

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА»

УДК [811.161.1'373+811.581'373]:641.5(043.3)

МА ЛУН

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ
И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПИЩА»**

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Минск, 2022

Работа выполнена в учреждении образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»

Научный руководитель: **Зайцева Ирина Павловна,**
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой, УО «Витебский
государственный университет имени
П. М. Машерова», кафедра мировых языков

Официальные оппоненты: **Чайка Наталья Владимировна,**
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры, УО «Белорусский
государственный педагогический
университет имени Максима Танка»,
кафедра языкознания и лингводидактики

Кураш Сергей Бонифациевич,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры, УО «Мозырский
государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякина», кафедра
белорусской и русской филологии

Оппонирующая организация: УО «Брестский государственный университет
имени А. С. Пушкина»

Защита состоится 27 июня 2022 года в 13.00 на заседании совета по защите диссертаций К 02.21.01 в учреждении образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» по адресу: 220030, г. Минск, ул. Советская, 18, ауд. 482, e-mail: lingby@gmail.com, тел. +375 (17) 311-20-61.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка».

Автореферат разослан 27 мая 2022 года.

Учёный секретарь совета
по защите диссертаций

Д. В. Дятко

ВВЕДЕНИЕ

Пища – неотъемлемая часть повседневной жизни любой нации. Приготовление пищи, а также традиции её употребления являются безусловными феноменами культуры. Пищевой, или гастрономический, код является одним из базовых кодов культуры в принципе, в силу чего он находится в центре внимания представителей разных научных областей: историков, физиологов, биологов, социологов, культурологов, психологов, этнолингвистов, концептологов.

На современном этапе развития лингвистики особое значение приобретает проблема «язык и культура». Разноаспектное рассмотрение взаимодействия и взаимовлияния человека, языка и культуры сформировало несколько новых лингвистических направлений – когнитивную лингвистику, лингвокультурологию и лингвистическую концептологию, в русле которых и выполнено настоящее исследование. Включённость в научную парадигму, приоритетную для современной лингвистической науки, определяет **актуальность** настоящего исследования.

В последние десятилетия также усилился интерес к рассмотрению фразеологии в этнокультурном аспекте, имеющий целью более глубокое и детальное постижение языковой картины мира. Осмысление национально-культурного аспекта фразеологии, восходящее к идеям В. Гумбольдта о воплощении в языке «духа нации», получило своё развитие, прежде всего, в исследованиях по сопоставительной фразеологии.

Методология, развиваемая в рамках лингвокультурологии, соотносит национальную маркированность фразеологизмов с образной мотивированностью, которая «напрямую связана с мировидением народа-носителя языка». Лингвострановедческий подход, инициированный трудами Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, предполагает сосредоточение основного внимания на анализе единиц языка, которые имеют реальные прототипы (идиоэтнические реалии) во внеязыковой действительности. Основной целью лингвокультурологического анализа ФЕ в этой связи становится выявление и описание коннотаций, эталонов, стереотипов и других культурных знаков.

В работе на основе исследования одной из фразеологических групп неродственных языков осуществляется лингвокультурологический анализ тематического поля «Пища» в русской и китайской фразеологии, что в современной лингвистической науке ещё не было объектом специального изучения. Таким образом, **актуальность** исследования обуславливается также недостаточной изученностью с лингвокультурологических позиций данного

фрагмента языковой картины мира двух неродственных языков.

Методологической базой диссертационного исследования послужили работы по осмыслению когнитивной и «культурной» семантики языковых знаков, относимых к семантическим полям «Пища» в русском, белорусском, украинском, английском, немецком, французском, вьетнамском языках, Е. В. Беленко, Е. Л. Березович, В. В. Воробьёва, Э. А. Гашимова, М. Л. Ковшовой, Т. М. Матвеева, И. К. Мироновой, Ю. С. Степанова, В. Н. Топорова и др. Сопоставительный анализ ФЕ с «пищевыми» компонентами в английском и татарском языках представлен в работе Ф. Х. Тарасовой.

Исследователями предпринимались и некоторые попытки сопоставительного анализа фразеологизмов русского и китайского языков, входящих в семантическое поле «Пища»; это, в частности, статьи Гуаньхуа Ли и Мянью Чжан, которые, однако, носят сугубо локальный характер и имеют отношение, скорее, к постановке проблемы либо к началу её разработки или же рассматривают интересующий нас материал в иных – нелингвистических – аспектах. В кандидатской диссертации С. Н. Рубиной разрабатывается педагогический аспект: в работе анализируется лингвострановедческий подход к презентации в китайской аудитории русской фразеологии, включающей в том числе и интересующую нас группу.

Исследование ФЕ тематического поля «Пища» в русле антропоцентрической парадигмы, предпринимаемое в нашей работе, представляет новый аспект сопоставительного изучения русских языковых единиц в зеркале китайских.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках научных тем «Язык и культура белорусского Поозерья: история и современность» (номер госрегистрации 20062006 от 16.11.2006 г.) и «Социокультурные особенности белорусского Поозерья» (номер госрегистрации 20160233 от 01.03.2016 г.), разрабатываемых на кафедре общего и русского языкознания УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова».

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования – путём сопоставительного анализа выявить общее и национально-специфическое в содержании фразеологических единиц, принадлежащих к одному из фрагментов картины мира – ПИЩА – в русской и китайской

лингвокультурах.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

- систематизировать номинации, входящие в тематическое поле (далее – ТП) «Пища» русского и китайского языков, дифференцируя их по тематическим микрополям (далее – ТМП), группам (далее – ТГ) и подгруппам (далее – ТПГ), определив их значение, стилистическую окраску, в отдельных случаях – происхождение; описать фразеосемантические группы с учётом приоритетности в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы;
- исследовать степень фразеологической активности ФЕ с компонентом ТП «Пища» в русской и китайской лингвокультурах;
- сопоставить сформированные группы ФЕ двух языков с целью выявления универсального и уникального в семантике данных единиц;
- рассмотреть основные виды межъязыковой соотнесённости (совпадений и расхождений) выявленных ФЕ и проанализировать ФЕ с наиболее выраженным культурным компонентом, функционирующие в языковых картинах мира носителей русского и китайского языков.

Объектом исследования являются функционирующие в русской и китайской лингвокультурах фразеологизмы с компонентом «пища».

Предмет исследования – установление общего и/или национально-специфического в содержании исследуемых ФЕ тематического поля «Пища».

Методы исследования: общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых описательный метод и приёмы внешней интерпретации, классификации и систематизации материала; сопоставительный метод и приём культурно-исторической интерпретации; методика семантической интерпретации, элементы количественного метода.

Материалом исследования послужили **978** русских и **452** китайских ФЕ, принадлежащих к тематическому пространству «Пища».

Рабочая картотека диссертации была составлена на основе толковых, фразеологических и ряда других словарей русского и китайского языков, в том числе переводных:

«Русский семантический словарь» под ред. Н. Ю. Шведовой в 6-ти т. (2002); «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в 4-х т. (1978–1980); «Пословицы русского народа: Сборник» В. И. Даля в 2-х т. (1989); «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (2011); «Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В. Н. Телия (2009); «Фразеологический словарь русского литературного

языка», составленный А. И. Фёдоровым (2001); «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» в 2-х томах под ред. А. Н. Тихонова (2004); «Словарь русской ментальности» В. В. Колесова (2014); «Большой словарь русских поговорок (более 40 000 образ. выражений)» под ред. В. М. Мокиенко (2008); «Большой русско-китайский фразеологический словарь» (1998); 中国成语词典 Zhōngguó chéngyǔ dàcídiǎn (Большой словарь китайской фразеологии) (1986); 现代汉语规范词典 Xiàndài hànyǔ guīfàn cídiǎn (Нормативный словарь современного китайского языка) 1978; 现代汉语通用词典 Xiàndài hànyǔ tōngyòng cídiǎn (Словарь употребительных иероглифов современного китайского языка) (1987); Xiànhuá zìdiǎn (Толковый словарь китайского языка) (2004); «在线成语字典 (Большой китайский фразеологический словарь он-лайн) [Electronic resource]»; «现代汉语歇后语用法小 . Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка» под ред. М. Г. Прядохина (2001); «Большой китайско-русский словарь по русской графической системе» в 4-х томах под ред. И. М. Ошанина (1983-1984); 汉典 (Толковый словарь китайского языка он-лайн [Electronic resource]); 汉语歇后语词典 Hànyǔ xiēhòuyǔ cídiǎn (Словарь недоговорок [сехоуной] китайского языка) (2006).

Научная новизна исследования определяется следующим:

- фразеологизмы русского и китайского языков с компонентом именем существительным, относящимся к ТП «Пища», впервые систематизированы с учётом значимости данного компонента в языковых картинах мира исследуемых языков и степени его фразеоактивности;

- корпуса выявленных ФЕ как русского, так и китайского языков системно проанализированы с лингвокультурологических позиций – с учётом приоритетности антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике;

- впервые с позиций системно-структурного и антропоцентрического аспектов осуществлён сопоставительный анализ межъязыковой соотнесённости выявленных и систематизированных ФЕ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Номинации, относящиеся к тематическому пространству «Пища», в каждой из рассматриваемых лингвокультур образуют достаточно сложно организованную структуру, для которой характерно наличие центра и периферии. Межъязыковые соответствия ФЕ с компонентом «пища», выделенные в процессе исследования, основываются как на системных, так и на антропоцентрических характеристиках сопоставляемых ФЕ. В качестве приоритетной исследовательской категории в данной диссертации используется понятие «тематическое поле», позволяющее классификационно объединить как

номинации, в семантике которых «пищевая» сема (иногда – семы) является ключевой, так и ФЕ с данным компонентом. Являясь по сути *семантико-тематическим* феноменом, тематическое **поле** структурно членится на различные по объёму и характеру объединяющего признака группы лексем: тематические **микрополя**, тематические **группы** и тематические **подгруппы**.

Для детального анализа из русской и китайской лингвокультур выбраны два основных объединения (ТМП): «общие обозначения еды, питья, кушанья и продуктов питания» и «еда, питьё, кушанья и их компоненты», которые входят в тематическое макрополе «ПИЩА». Эти группы наиболее объёмны и структурно разветвлены, включают в себя характерные для русской и китайской лингвокультур продукты питания и изготавливаемые из них блюда, из которых выявляются национальные гастрономические предпочтения в каждой из названных лингвокультур.

2. Среди наименований пищи, являющихся компонентами ФЕ, наибольшая фразеобразовательная активность свойственна лексемам, обозначающим национальные блюда, которые с древности составляли основу традиционной кухни каждого из народов: рус. *хлеб-соль, хлеб, каша, кисель, пирог, блины, калач, щи, уха, квас* и др.; кит. *米 (大米, 米) (рис); 豆腐 (соевый творог); 馒头 (паровая пампушка); 狗肉 (собачье мясо); 梅 (абрикос муме); 藕 (корневище лотоса)* и др.

Первое из ТМП дифференцируется на две ТГ: «собственно еда, продукты», принадлежащую к ядерной части рассматриваемого ТП, и «общие обозначения продуктов питания по времени принятия пищи, по назначению», частично входящую в ядерную, частично – в периферийную часть поля. В данную ТГ общих обозначений пищи входят номинации: *пицца, еда, провизия, снедь, брашно, харчи, хлеб* (в значении ‘питание, пропитание’) и другие. Нами выявлено **44** ФЕ с компонентами – номинациями данной ТГ, имеющими различную степень употребительности (включая устаревшие и/или практически вышедшие из употребления) и различную стилистическую окраску.

3. Наиболее объёмной ТГ в обеих лингвокультурах является группа «зерновые; мука, крупа; изделия из них». Тематическая группа «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них» свидетельствует о приоритетности в питании русских зерновых продуктов и блюд (*хлеба, пирогов, блинов* и т. п.) и изделий из круп (*каш, киселей*). Эти номинации зафиксированы нами в **297** устойчивых выражениях, что составляет почти **1/3** всех выявленных в процессе исследования ФЕ. Наиболее обширный фразеологический пласт в русской лингвокультуре имеют фразеологизмы с компонентом *хлеб*: *Ржаной хлеб всему голова; С хлеба на квас перебиваться; Не в пору и обед, как хлеба в*

дому нет и др. (всего **88** ФЕ).

В китайской лингвокультуре нет иероглифа, обозначающего хлеб, поэтому там несколько иная картина мира. Своеобразие обуславливается степенью значимости для китайской гастрономической традиции тех или иных пищевых продуктов, а также спецификой способов приготовления и употребления пищи. В китайской гастрономической традиции, так же, как и в русской, существенное место занимают номинации *изделий из круп и муки*, однако эти номинации обозначают пищевые продукты, отличные по составу продуктов, способу приготовления и иным параметрам блюда и кушанья: 包子 [bāozi] (*паровой пирожок круглой формы*); 馒头 [mántou] (*хлебец из кислого теста, приготовленный на пару; пресная пампушка*); 烧饼 [shāobing] (*кунжутное печенье, печёные лепёшки, посыпанные семенами кунжута*); 月饼 [yóubǐng] (*лунная лепёшка; лунный пряник*) и др.

4. В семантической структуре фразеологизмов с компонентами – обозначениями ТП «Пища» наибольшую значимость имеет денотативное, прототипическое значение этих компонентов, большей частью принадлежащих к безэквивалентной лексике, которые в составе устойчивых выражений могут выполнять также и символическую функцию. Фразеологизмы, содержащие эти компоненты, в большинстве своём содержат указание на сферу материальной культуры нации, что обуславливает их безэквивалентность или неполную межъязыковую эквивалентность по отношению к устойчивым оборотам другого языка. Это **885** фразеологизмов русского языка (примерно 91 % всех выявленных единиц) и **375** китайских фразеологизмов (примерно 83 % от всех выявленных единиц).

Некоторая часть ФЕ – **163** фразеологизма – находится в отношениях частичной эквивалентности, демонстрируя частичное совпадение денотативно-сигнификативного и/или коннотативного содержания: **86** фразеологизмов русского языка (около 9 % всех выявленных единиц) и **77** ФЕ китайского языка (около 17 % всех выявленных единиц).

В отношениях полной эквивалентности находится лишь **1** пара фразеологизмов из выявленных в процессе исследования, что составляет примерно **0,1** % всего исследованного материала.

Личный вклад соискателя учёной степени. Диссертация представляет собой самостоятельное исследование, выполненное лично автором.

Апробация диссертации и информация об использовании её результатов. Результаты исследования докладывались на следующих одиннадцати международных и республиканских научных и научно-практических конференциях: «Белорусско-русско-польское сопоставительное

языкознание и литературоведение» (Витебск, 2009 г.); «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (Минск, 2009 г.); «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития» (Минск, 2010 г.); «Теория и практика преподавания лингвистических дисциплин в вузах негуманитарного профиля» (Горки, 2010 г.); «XI Машеровские чтения» (Витебск, 2017 г.); «Иностранные языки в вузе и школе» (Витебск, 2017 г.); «XII Машеровские чтения» (Витебск, 2018 г.); «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (Витебск, 2019 г.); «Наука – образованию, производству, экономике» (Витебск, 2021 г.); «Китайский язык и культура Китая в восточнославянском контексте» (Гомель, 2021 г.); «Наука – образованию, производству, экономике» (Витебск, 2022 г.).

Отдельные результаты исследования стали предметом выступления на научно-методическом семинаре «Русский язык как иностранный: функционально-коммуникативный подход к описанию языковых явлений» (Минск, 2010) и IV научно-практическом круглом столе «Беларусь и Китай: многовекторность сотрудничества» (Барановичи, 2021 г.).

Опубликование результатов диссертации. Результаты диссертации нашли отражение в 20 опубликованных работах. Из них 7 статей опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Республики Беларусь; 4 – в сборниках научных статей; 9 работ – материалы конференций. Объем публикаций в рецензируемых научных изданиях составляет 3,35 авт. л. Общий объем публикаций по теме диссертации – 6,63 авт. л.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из перечня условных сокращений, введения, общей характеристики работы, трёх глав с выводами по каждой из них, заключения, библиографического списка, включающего источники исследования (19 наименований), список использованных источников (378 наименований), список публикаций соискателя (20 наименований). Диссертация имеет 2 приложения: а) устойчивые выражения русского языка с компонентом (компонентами) тематического поля «Пища» (Приложение А); б) устойчивые выражения китайского языка с компонентом (компонентами) тематического поля «Пища» (Приложение Б).

Общий объем диссертационного исследования составляет 228 с., из них основной текст – 139 с., включая 8 иллюстраций на 4 страницах, библиографический список – 29 с., 2 приложения – 57 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе 1 «Теоретико-методологические основания исследования фразеологических единиц с компонентами тематического поля “Пища”» излагаются теоретические и методологические подходы и принципы, явившиеся приоритетными для выполнения настоящего исследования.

В первом разделе «Содержание фразеологии как науки. Узкое и широкое понимание объёма фразеологии в русском языкознании» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с различными трактовками объёма фразеологии в русском языке, историей изучения фразеологических единиц, приводятся различные классификации фразеологического материала.

В понимании ФЕ мы разделяем мнение лингвистов, широко понимающих объём фразеологии, относящих к фразеологизмам фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, пословицы и поговорки. В нашем исследовании в той или иной степени описываются практически все указанные разряды. Разработка лингвокультурологического аспекта исследования фразеологии свидетельствует, что когнитивное осмысление закономерностей формирования значения ФЕ базируется на мыслительных процессах, которые лежат в основе естественного структурирования значений первичного и вторичного. При этом, согласно В. Н. Телия, фразеологизмы, образные основания которых уходят в глубину веков, образуют двойную связь с культурой: «сама их внешняя форма – это уже язык культуры <...>, с одной стороны, а с другой стороны – этот образ осознается и интерпретируется носителями данного языка в соответствии с их культурной компетенцией». Сопоставительные исследования последних десятилетий направлены прежде всего на выявление национально-культурной специфики фразеологизмов и способов отражения в них национально-языковых картин мира.

Во втором разделе «Узкий и широкий подходы к определению фразеологического состава китайского языка» рассматриваются теоретические вопросы, связанные с различными трактовками объёма фразеологии в китайском языке, характеризуются существующие в китайском языкознании классификации фразеологического материала. Описан широкий подход к пониманию фразеологии, в соответствии с которым в число ФЕ включаются любые устойчивые выражения – воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, существующие в языке в виде целостных по своему значению и устойчивых в своём составе и структуре образований. На основе принятого

подхода в составе китайского языка выделяются такие типы фразеологизмов, как: 成语 (чэньюй), 谚语 (яньюй), 歇后语 (сехоуэй), 惯用语 (гуаньюньюй).

В разделе 1.3 «Тематическое поле как системное объединение единиц языка. Структура тематического поля “Пища”» обосновывается целесообразность полевого подхода к системному осмыслению номинаций с «пищевыми» значениями, которые являются компонентами рассматриваемых в работе ФЕ, а также излагаются принципы структурирования ТП «Пища» в русском и китайском языках.

Согласно определению А. М. Кузнецова, помещённому в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», поле – это «совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений». Поле имеет особую концентрическую структуру, в которой выделяются ядерная (центральная) часть и периферийные области, граница между которыми не является жёсткой, она характеризуется размытостью, чем обуславливается возможность взаимопересечения разных полей, в результате чего образуются так называемые зоны постепенных переходов.

В настоящей работе мы в качестве приоритетной исследовательской категории используем понятие ТП, которое, с нашей точки зрения, позволяет классификационно объединить как номинации, в семантике которых «пищевая» сема (иногда – семы) является ключевой, так и ФЕ, имеющие в своём составе компонент, принадлежащий к данному тематическому объединению. Выбор этого понятия обусловлен тем, что тематические классификации, в отличие от лексико-семантических, формируемых с учётом значения единиц языка и строящихся на разных принципах (на основе сходства, общности, противопоставления и т. п.), опираются на классификацию самих предметов и явлений реальной действительности. Тематические же классификации в значительной степени опираются на *гипонимические* отношения между входящими в них компонентами, т. е. на родовидовые отношения между единицами языка.

Являясь по сути семантико-тематическим феноменом, ТП структурно членится на различные по объёму и характеру объединяющего признака группы лексем: ТМП, ТГ и ТПГ.

Как показывают даже поверхностные наблюдения за фразеофондом двух языков (например, знакомство с перечнями фразеологизмов русского и китайского языков, помещёнными в авторитетных фразеологических словарях), бóльшая часть функционирующих в составе ФЕ компонентов с «пищевым» значением принадлежит к именам существительным.

В настоящей диссертации внимание сосредоточено именно на этих единицах – ФЕ, имеющих в своём составе **номинацию** (номинации) – **имя существительное**, относящееся к ТП «Пища» (перечни выявленных фразеологизмов русского и китайского языков с компонентами, входящими в рассматриваемое ТП, системно представлены соответственно в Приложении А и Приложении Б к диссертации).

ТП «Пища» как в русской, так и в китайской лингвокультурах представляет собой сложное и весьма разветвлённое образование, в центре которого, являясь наиболее обобщёнными наименованиями продуктов питания и изготовляемых из них блюд и напитков, находятся общеупотребительные лексемы *пища, еда, кушанье* – для русской лингвокультуры; 食 [shí] ('пища') и 饭 [fàn] ('еда, пища; кушанье; блюдо') – для лингвокультуры китайской.

Глава 2 «Тематическое поле «Пища» в русской и китайской лингвокультурах» состоит из 15 разделов.

В *первом разделе* рассматриваются принципы членения ТП «Пища» в русской и китайской лингвокультурах.

ТП «Пища», сформировавшееся в русской лингвокультуре, представляет собой значительное по объёму структурированное объединение, в которое входят два ТМП: «общие обозначения продуктов питания» (объём данного микрополя – 12%) и «еда, питьё, кушанья и их компоненты» (88%). Эти ТМП, в свою очередь, членятся на более мелкие сегменты – ТГ и ТПГ.

Членение рассматриваемого ТП в китайской лингвокультуре отчасти коррелирует со структурированием ТП в лингвокультуре русской, однако в то же время характеризуется и безусловным своеобразием, которое обуславливается степенью значимости для китайской гастрономической традиции тех или иных пищевых продуктов, а также спецификой (а иногда и уникальностью) способов приготовления и употребления пищи, сформировавшихся в этой, одной из самых древних, культур на протяжении длительного времени. На долю первого микрополя в китайской лингвокультуре приходится 28% от всех выявленных ФЕ, объём второго ТМП составляет 72%.

Во *втором разделе* подробно рассматривается специфика тематического микрополя «общие обозначения продуктов питания» в русской и китайской лингвокультурах. Корпус номинаций русского языка, принадлежащих к данному ТМП, даёт основания для разграничения их на две ТГ: «собственно еда, продукты» (36%) и «общие обозначения продуктов питания по времени принятия пищи, по назначению» (64%). Особое объединение в рамках второй ТГ образуют номинации, в семантике которых присутствует сема 'угощение': *застолье, магарыч* (прост.), *стол, хлеб-соль* и др. Наибольшей фразеоактивностью

в выявленных нами ФЕ обладает номинация *хлеб-соль*, которой присуща выраженная национально-культурная значимость: она зафиксирована в **35** ФЕ: *Хлеб-соль водить* с кем-нибудь ('дружить, водить знакомство с кем-нибудь'); *Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не придумаешь*; *Хлеб-соль ешь, а правду режь*; *Пить вино вместе, а хлеб-соль пополам* и др.

Если в русском языке ТМП «общие обозначения продуктов питания» дифференцируется на две ТГ, то в китайском языке данное микрополе равно по объёму одной ТГ – «общие обозначения еды, напитков, кушаний». Наибольшую фразеоактивность в рамках данного ТМП обнаруживают номинации 食 [shí] ('пища. еда. питание') – является компонентом **61** ФЕ – и 饭 [fàn] ('еда, пища, кушанье, стол, блюдо') – является компонентом **54** ФЕ: 饥不择食 (букв. голодному не до выбора в пище); 因噎废食 (букв. отказываться от пищи, боясь подавиться; 'опасаться из-за случайной неудачи поступиться чем-либо'); 废寝忘食 (букв. позабыть про пищу и утратить сон; 'быть крайне озабоченным чем-либо'); 伴食宰相 (букв. первый министр, который только ест пищу; о чиновнике, который только занимает место, но не выполняет своих обязанностей); 箪食豆羹 (букв. коробка пищи и один доу похлёбки; 'маленькая польза; необходимый минимум'); 具食与乐 (букв. подготовить пищу, песни и пляски; 'радушно принять гостей'); 指佛穿衣, 指佛吃饭 (букв. монахам еду (пищу) и одежду дарует Будда; 'положиться на судьбу') и др.

В третьем разделе описывается второе из выделенных в обеих лингвокультурах ТМП, включающее обозначения как собственно блюд и кушаний, так и названия компонентов (продуктов), из которых эти блюда и кушанья состоят (либо добавляются при приготовлении); это ТМП в двух лингвокультурах значительно обширнее первого.

ТМП «еда, питье, кушанья и их компоненты» русской лингвокультуры структурировано нами с учётом приоритетности для национальных гастрономических традиций определённых продуктов и предпочтений, отдаваемых ряду блюд и кушаний – ср. мнение И. С. Лутовиновой о том, что «питание древних славян, которые являлись народом земледельческим, а позже русских состояло в первую очередь из растительной пищи, представляющей собой продукты земледелия (зерновые культуры, позже овощи) и собирательства (грибы, ягоды), во вторую очередь, из рыбных, молочных продуктов и в последнюю очередь – из мясных блюд». На этом основании рассмотренное ТМП русской лингвокультуры дифференцировано на **10** объединений (ТГ), в составе части из которых возможна дальнейшая дифференциация – на ТПГ: 1) «общие обозначения еды, питья, кушаний» (16%); 2) «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них» (34%); 3) «овощи,

бобовые, бахчевые, грибы; овощные, грибные блюда» (8%); 4) «супы и другие первые блюда» (8%); 5) «фрукты, ягоды, орехи и блюда из них» (5%); 6) «молоко, молочные изделия, яйца, яичные изделия, жиры» (4%); 7) «мясо, рыба, мясные и рыбные блюда, кушанья» (5%); 8) «приправы, пряности, соусы, закваски, соленья, маринады» (8%); 9) «сладости, мучнистые и сахаристые изделия» (5%); 10) «алкогольные и безалкогольные напитки» (7%).

В китайской лингвокультуре ТМП «еда, питьё, кушанья и их компоненты» дифференцируется на 5 ТГ: 1) «зерновые, мука, крупа; мучные и крупяные изделия» (37%); 2) «овощи, бобовые, бахчевые, дикие растения и блюда из них; фрукты» (21%); 3) «мясо, рыба, морепродукты; блюда из них» (12%); 4) «алкогольные и безалкогольные напитки» (18%); 5) «приправы, пряности, соусы, уксус» (8%), – бóльшая часть которых членится на ТПП, чем существенно отличается по структуре от аналогичного ТМП русской лингвокультуры. Отличительным признаком рассматриваемого микрополя также является наличие устойчивых выражений с «пищевыми» компонентами, не входящими ни в одну из выделенных ТГ – их объём составляет 4% от всех выявленных ФЕ.

В *четвёртом – шестом разделах* настоящей главы подробно анализируются две ТГ из ТМП «еда, питьё, кушанья и их компоненты», приоритетные для русской и китайской лингвокультур.

Исследованный нами фразеологический материал свидетельствует об очевидной приоритетности в питании русских зерновых продуктов и блюд (*хлеба, пирогов, блинов* и т. п.) и изделий из круп (*каш, киселей*). Номинации, входящие в соответствующую ТГ (*раздел «2.4 Тематическая группа «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них» в русской лингвокультуре*»), зафиксированы нами в **297** устойчивых выражениях, что составляет почти **1/3** всех ФЕ, выявленных в процессе исследования. При этом наиболее обширный фразеологический пласт в русской лингвокультуре составляют фразеологизмы с компонентом *хлеб* – **88** ФЕ (*Хлеба нет, так и друзей не бывало; С хлеба на квас перебиваться; Не в пору и обед, как хлеба в дому нет* и др.). В китайской лингвокультуре иероглиф, обозначающий хлеб, отсутствует.

Подобная картина наблюдается в русской лингвокультуре и с лексемами *каша* (функционирует в составе **70** ФЕ: *Кашу не сваришь* (с кем-нибудь); *Мало каши ел* (кто-нибудь); *Берёзовая каша* и др.) и *пирог* (функционирует в составе **56** ФЕ: *Вот такие (какие) пироги!*; *Не красна изба углами, а красна пирогами* и др.).

В китайской лингвокультуре наиболее объёмной ТГ рассмотренного ТМП является ТГ «зерновые; мука, крупа; изделия из них», дифференцируемая на ТПП «общие обозначения зерновых продуктов», «номинации блюд из крупы» и «изделия из муки» (*раздел 2.5*). В ходе проведения исследования нами было

выявлено **118** устойчивых выражений с компонентами, входящими в данную ТГ. При этом наибольшую степень фразеоактивности демонстрирует входящая в первую ТПГ лексема 米 [mǐ] (в нескольких присущих ей значениях: 'рис в зёрнах, очищенный рис'; 'очищенное рисовое зерно, крупа из риса'). Эта лексема зафиксирована в **41** из **68** устойчивых выражений с компонентами данной ТПГ: *即不烧柴, 也不下米* (букв. *ни дров для растопки, ни риса для котла*; 'лодырь – сам ничего не делает, а живёт за счёт другого'); *偷鸡不着蚀把米* (букв. *не украсть курицы, да в придачу горсть риса потерять*; 'невыгодное дело; неприбыльная сделка'); *唱沙作米* (букв. *смешивать песок с рисом (очищенным зерном, крупой)*; 'выдавать фальшивое за настоящее') и т. д. В целом же нами выявлено **302** ФЕ с компонентами, входящими в данное ТМП.

Следует отметить, что и формально совпадающие компоненты ТП «Пища» в китайской и русской лингвокультурах довольно значительно отличаются по своему составу. В частности, в китайской гастрономической традиции, где так же, как и в русской, существенное место занимают номинации изделий из круп и муки, они обозначают блюда и кушанья, отличные по составу входящих в них продуктов, способу приготовления и иным параметрам: это *хлеб, калач, пирог, блины, кисель* и т. д. в пищевой культуре русских. Например: *Едешь на день, а хлеба бери на неделю*; *Хлеб батюшка, водица матушка*; *Без блина не масленица, без пирога не именинник (не праздник)*; *Калачом не заманишь* кого-нибудь; *Киселём брюха не испортить* и др.

В пищевой культуре китайцев это номинации *包子* (паровой пирожок круглой формы), *馒头* (хлебец из кислого теста, приготовленный на пару; пресная пампушка), *烧饼* (кунжутное печенье, печёные лепёшки, посыпанные семенами кунжута), *月饼* (лунная лепёшка; лунный пряник) и др.: *大年初一吃饺子 – 没外人* (букв. *в первый день Китайского Нового года есть баоцзы (пельмени) – нет чужих людей*; 'присутствуют только все родные, поэтому стесняться не стоит'); *小鬼不曾见过大馒头* (букв. *проказник ещё никогда не видел большую паровую пампушку*; об узком кругозоре); *馒头落地狗造化* (букв. *паровые пампушки, которые упали на землю, – счастье для собаки*; о сильном везении); *八斤半的月饼 – 废物点心* (букв. *юэбин (лунная лепёшка со сладкой начинкой к празднику луны 15.08 по лунному календарю) весом 4,5 килограмма – ненужное лакомство; о никчёмном человеке*) и др.

Весомая часть номинаций, входящих в две ТГ, выбранные нами для детального анализа, как и значительная часть номинаций ТП «Пища» в целом, принадлежит к *безэквивалентной* лексике, присутствие которой в составе устойчивых выражений придаёт им не только оригинальность формы, но и своеобразие содержания. Это содержание может быть адекватно истолковано лишь при обладании воспринимающей стороной необходимыми фоновыми

знаниями о национальных кулинарных традициях – как русского, так и китайского народов. Функционирование этих номинаций в составе ФЕ, в свою очередь, обуславливает безэквивалентность этих устойчивых выражений, а также придаёт им очевидный национальный колорит и способствует повышению степени их экспрессивности.

В разделах 2.7–2.8 анализируется национально-культурная специфика русских и китайских ФЕ с «пищевым» компонентом, входящих в ТГ «овоци, бобовые, бахчевые и блюда из них». В русском языке в устойчивых выражениях данной группы присутствуют следующие номинации: *капуста, бобы, редька, репа, гриб (грибы), лук, картошка, чеснок* и др. В общей сложности нами выявлено **68** устойчивых выражений с данными компонентами, наиболее частотной номинацией является *капуста* (17 единиц): *Не в капусте подобран кто-н.; Без капусты животы пусты; Бобы не грибы: не посеешь – не взойдут; Хрен редьки не слаще; Проще парёной репы* и др.

В китайском языке приоритетное место занимают номинации: *荳菽* [rěnsū] – ‘бобы’; *菜豆* [càidòu] – ‘фасоль обыкновенная (белая; овощная)’; *豆角* [dòujiǎo] – ‘стручковая фасоль’; *豆腐* [dòufu] – ‘соевый творог’; *白菜* [báicài] ‘салатная китайская капуста’; *冬瓜* [dōngguā] ‘восковая тыква’ и др. Всего выявлено **68** ФЕ данной ТГ. Наиболее частотной является номинация *豆腐* ‘соевый творог’ (зафиксирована в **более чем 2/3** всех ФЕ), являющаяся названием одного из национальных блюд китайской кухни, которое имеет широкое распространение в повседневном рационе китайцев: *刀子嘴, 豆腐心* (букв. *язык как нож, а сердце как соевый творог*; ‘иметь острый язык, но мягкое сердце’); *豆腐挡刀 – 自不量力* (букв. *соевый творог даёт отпор ножу – переоценивать свои силы*); *萝卜白菜, 各有所爱* (букв. *кто любит корнеплоды (редька, редис, морковь), кто – байцай*; ‘о вкусах не спорят’); *冷锅里爆豆* (букв. *жарить бобы (фасоль) в холодной сковороде*; ‘возобновить прежний спор’) и др.

Национальное своеобразие ФЕ проявляется и в том, что в китайском языке в рассматриваемую ТГ входят названия *диких растений*, употребляемых в пищу, например: *甘蔗老来甜, 辣椒老来红* (букв. *сахарный тростник чем старше, тем слаще, а перец чили, чем старше, тем краснее*; ‘мудрость приходит с возрастом’); *吃过黄连的人, 才知道蜜糖的甜* (букв. *кто ел корень китайский, тот вспоминает сладкий вкус мёда*; ‘кто прошёл через тяжёлые испытания, знает разный вкус жизни’); *吃苦菜, 莫吃根, 交朋友, 莫忘恩* (букв. *есть осот овощной, не есть его корень; обзаведясь новыми друзьями, не забудь помощи старых друзей*; ‘не проявляй неблагодарности’) и др.

Номинации, входящие в тематическое объединение «фрукты», в китайской лингвокультуре составляют ТПГ в рамках ТГ «овоци, бобовые, бахчевые и

блюда из них», а в русской – отдельную небольшую по объему ТГ «*фрукты, ягоды, орехи и блюда из них*» (всего **39** ФЕ). Больше всего устойчивых выражений зафиксировано с номинациями *яблоко (яблочко)* и *орех (орешек)*, на долю которых приходится половина выявленных единиц: *Яблоку негде (некуда) упасть; Не расти яблочку на ёлке; На орехи достанется* и др.

ТГ «*мясо, рыба, мясные и рыбные блюда*» в русской и китайской лингвокультуре рассматривается в *девятом разделе*. В русском языке отмечено **42** устойчивых выражения с компонентами – номинациями рассмотренной ТГ, которые отличаются яркой образностью: *Ел бы мясо, да в зубах вязнет; Мясо ешь, да мясника не съешь; Солонина солона, говядина дорога* (оттого не готовим); *На кости мясо слаще* и др. В китайском языке данная ТГ дифференцируется на три ТПГ: «*мясо и мясные блюда*», «*рыба и рыбные блюда*» и «*морепродукты и блюда из них*» (общее количество – **41** ФЕ). Наиболее высокую фразеоактивность демонстрирует номинация 肉 [ròu] ‘мясо’, входящая в состав **12** ФЕ: *鼻子上挂肉 – 油嘴* (букв. *мясо висит на носу – болтливый*; о красноречивом человеке с хорошо подвешенным языком); *好金处在沙子里, 好肉出在骨头边* (букв. *как золото намывают из песка, так и вкусное мясо соскребают с костей*) и др. Национально-культурное своеобразие проявляется в следующих устойчивых выражениях: *火到猪头烂, 钱到公事办* (букв. *как большой огонь может сварить свиную голову, так и большие деньги могут решить любое трудное дело*); *半夜做梦啃猪蹄 – 尽想好事* (букв. *в полночь есть свиные ножки во сне – думать только о хороших делах*; ‘мечтать о приятном’); *挂羊头, 卖狗肉* (букв. *вывешивать баранью голову, а продавать собачье мясо*; ‘под благовидным предлогом творить чёрные дела’; о мошенничестве); *吃了河豚, 百样无味* (букв. *если ты попробовал мясо иглобрюха, тогда другое мясо будет невкусно*; после получения самого лучшего подарка, остальные покажутся незначительными) и др.

ТГ «*супы и другие первые блюда*» (*раздел 2.10*) свойственна только ТП «*Пища*» русского языка, поскольку жидкие горячие блюда издавна имели в пищевом рационе русских широкое распространение. Нами выявлено **70** устойчивых выражений с номинациями данной ТГ, среди которых преобладают (более **90** %) ФЕ с обозначением *щи* (45 единиц) и *уха* (19 единиц): *Лаптем щи хлебает кто-нибудь; Гостю щей не жалей, а погуще лей; Смелому уху хлебать, а трусливому и тюри не видать; Ещё рыба не поймана, а уже принялись уху варить* и др. Существенное преобладание в устойчивых выражениях безэквивалентных лексических единиц обозначений *щи* и *уха* обусловлено особой значимостью их в русской национальной культуре.

Для китайской кухни разделение на «*первые*» и «*вторые*» блюда не характерно. Лексема «*суп*» в русском языке используется для обозначения

горячего жидкого блюда, подаваемого в *начале* обеда (первого блюда), в китайской лингвокультуре лексема 汤 [tāng] ‘отвар; бульон’ обозначает жидкое блюдо, подаваемое к столу в *конце* приёма пищи.

ТГ «молоко, молочные изделия, яйца, яичные изделия, жиры» (раздел 2.11) входит в состав ТМП «еда, питье, кушанья и их компоненты» только в русском языке (всего 64 ФЕ). В китайской гастрономической культуре молочные продукты не имеют широкого распространения, что находит отражение во фразеологии китайского языка.

Национально-специфическими особенностями в русской и китайской лингвокультурах обладает ТГ «приправы, пряности и специи» (раздел 2.12-2.13). Номинации данной группы в качестве компонентов входят в состав 65 русских ФЕ, при этом наиболее активно употребляемыми являются номинации *соль* и *хрен* (соответственно 20 и 16 ФЕ): *Сыпать соль на рану* кому-нибудь; *Без соли невкусно, а без хлеба несытно*; *Хрен редьки не слаще* (‘одинаково плохо и то и другое’); *Старый хрен* (прост. и груб.; о старом человеке) и др.

В рамках рассматриваемой ТГ в русской лингвокультуре отдельно стоит ТПГ, включающая следующие номинации *заквасок*: *дрожжи*; *квашня*; *опара*; *сдоба* (‘жир, сахар и яйца, добавляемые в тесто’); *солод*; *сусло*: *Квашни крышкой не удержишь*; *Как на дрожжах (растёт)*; *Старой закваски* и др.

В китайской лингвокультуре совсем другая картина мира. Древние китайцы различали **пять** основных приправ, соответствующих пяти традиционным вкусовым ощущениям: 1) 辣 [là] – острый: 姜 [jiāng] (*корень имбиря*); 辣椒 [làjiāo] (*перец чили*); 2) 酸 [suān] – кислый: 醋 [cù] (*уксус*); 3) 咸 [xián] – солёный: 盐 [yán] (*соль*); 酱 [jiàng] (*столовый соевый соус*); 4) 苦 [kǔ] – горький: 八角 [bājiǎo] (*бадьян, анис*); 5) 甜 [tián] – сладкий: 糖 [táng] (*сахар*). Например: 吃了五味想六味 – 贪得无厌 (букв. *попробовал уже пять вкусов, а ещё хочет шестой – ненасытный человек*; ‘гнаться за богатством, не испытывая при этом никакого удовлетворения’); 饭桌上的抹布 – 尝尽了酸甜苦辣 (букв. *кухонная тряпка попробовала кислый, сладкий, горький, острый*; ‘переживать разные ощущения в жизни’) и др. Всего нами зафиксировано 26 ФЕ данной ТГ.

В лексических единицах китайского языка вкусовая семантика нередко соотносится с растительным миром. Так сема ‘сладкий’ присутствует в номинациях: 蜜 [mì] ‘мёд, нектар’; 蜂蜜 [fēngmì] (букв. *пчелиный мёд*); 冰糖 [bīngtáng] (букв. *леденцовый сахар, леденец*). Номинации *мёд*, *леденец* в русской лингвокультуре входят в состав ТГ «сладости, мучнистые и сахаристые изделия», рассмотрению которой посвящён раздел 2.14.

В разделе 2.15 исследуется ТГ «алкогольные и безалкогольные напитки». В корпусе устойчивых выражений русского языка наиболее объёмной является

совокупность ФЕ с номинацией *пиво* (более 1/3 выявленных единиц). Фразеобразовательной активностью также отличаются компоненты *квас* и *чай* (соответственно 21 и 17 из 61 ФЕ данной группы). Например: *С дураком пива не сваршишь, а и сваршишь, так не разопьёшь; Пиво вари, да гостей зови; Чай и кофе не по нутру, была б водка поутру; Не чванься (смейся) квас, не лучше нас; И худой квас лучше хорошей воды* и др.

В китайской лингвокультуре данная ТГ, включая в себя 58 устойчивых выражений, делится на 2 подгруппы: 1) безалкогольные напитки; 2) алкогольные напитки. Наиболее высокой степенью фразеоактивности отличается номинация **酒** [jiǔ] ('спиртное, алкоголь'; 'алкогольные напитки'), которая входит в состав 44 ФЕ, т. е. в более чем 90 % всех выявленных единиц: *佛在心头生, 酒肉肺腑过* (букв. *если в душе и мыслях есть Будда, тогда не важно, пьёшь ли ты спиртное и ешь ли мясо*); *张公吃酒李公醉* (букв. *мужчина Чжан пил спиртное, но мужчина Ли оказался пьяным*; 'нести ответственность за чужую вино') и др.

Устойчивые выражения с компонентом *чай* в русском и китайском языках обладают национально-культурным своеобразием, отражая чайные традиции двух народов и культуру чаепития. Так для русских чай ассоциируется с пустым времяпрепровождением, пустяковым занятием, противопоставляемым тяжелому труду, а в китайской культуре это символ молодости, свежести и здоровья, гармоничного состояния души, ценного подарка. К русской традиции чаепития относится употребление чая с сахаром и вприкуску со сладостями, китайцы пьют чай ради наслаждения его естественным, природным вкусом и ароматом. Например: рус.: *Чай гонять* (прост.; распивать чай не торопясь, с удовольствием); *Чай да сахар!* (прост.; приветствие пьющим чай); *Чай пить – не двова гвбить: Где нам, дуракам, чай пить!*; кит.: *一女不吃两家茶* (букв. *одна девушка не пьёт чай в двух домах; одна невеста не принимает чай дважды* [отражает древний китайский обычай, в соответствии с которым во время обручения жених должен подарить невесте чай]); *春茶尖儿 – 又鲜又嫩* (букв. *молодые побеги весеннего чая свежи и нежны*); *茶余饭后* (букв. *после чая и пищи*; 'в свободное время, на досуге'); *茶喝多了养性, 酒喝多了伤身* (букв. *пить чай для здоровья полезно, а пить спиртное (водку) – вредно*).

Глава 3 «Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом тематического поля «Пища» и межъязыковые соответствия исследуемых фразеофондов», которая посвящена сопоставительному анализу ФЕ, выявленных в процессе исследования, установлению в них общего и национально-специфического, включает 4 раздела.

В первом разделе аргументируется вывод о выраженной антропоцентричности значительной части всех выявленных ФЕ. Эти ФЕ в

русской, и в китайской лингвокультурах используются: для обозначения личностных качеств человека (например: кит. 扁食馅里掺砒霜 – 心里毒 (букв. *смешивать начинку пельменей с мышьяком – ядовитое сердце*; о коварном, лукавом человеке); рус. *на языке медок, а на сердце ледок* (о лицемерном, лукавом человеке); для характеристики и/или оценки состояния человека – как психологического, так физиологического (например, в обоих языках выявлены ФЕ, в которых сильные чувства ассоциируются с потерей аппетита: рус.: *кусоч в горло не идёт*; кит.: 不茶不饭 (букв. *не хочет еду и чай*; ‘много сердечных тайных забот’); 茶饭无心 (букв. *без аппетита пить чай и есть пищу*; ‘тоска, нет настроения’), для характеристики особенностей социального поведения человека и межличностных отношений (рус.: *водить хлеб-соль* (‘быть близкими приятелями’); кит.: 解衣推食 (букв. *делиться с другим и одеждой, и пищей, делиться последней копеей*; ‘помогать другому, отдавая последнее’).

Во *втором разделе* изложены принципы классификации русских и китайских ФЕ с точки зрения их соотнесённости по безэквивалентности и эквивалентности.

Проанализированный материал подтвердил положение о том, что эквивалентность фразеологизмов разных языков представляет собой весьма редкое явление: в отношении полной эквивалентности находятся лишь две ФЕ из исследуемого нами материала: рус. *подливать масла в огонь* (‘усиливать раздоры, ссору, а также вообще обострять неприятную ситуацию’) – 火上加油 (букв. *подливать масло в огонь*; ‘доводить возмущение до предела; ещё больше накалять атмосферу’), что составляет **0,1 %** всего исследованного материала.

Более частым явлением межъязыковой соотнесённости ФЕ русского и китайского языков является их *частичная эквивалентность* (раздел 3.3): частичное тождество планов выражения фразеологизмов при сходной либо тождественной семантике, реализующееся в нескольких вариантах. В отношениях подобного рода находится часть ФЕ из выявленного нами корпуса ФЕ, среди которых: кит. 酒色祸之媒 (букв. *вкусное спиртное и разврат – посредники беды*) – рус. *много вина пить – беде быть*; кит. 箪食瓢饮 (букв. *одна корзина пищи да один ковшик питья*) – рус. *сидеть на хлебе и воде* и др.

В общей сложности нами установлено **163** ФЕ, находящихся в отношениях частичной эквивалентности: **77** фразеологизмов китайского языка (около 17%) и **86** – русского языка (около 9%).

Четвёртый раздел посвящён анализу безэквивалентных русских и китайских ФЕ, к которым принадлежит большая часть фразеологизмов, функционирующих как в русской, так и в китайской лингвокультурах. Это **885** фразеологизмов русского языка (примерно **91 %** всех выявленных единиц) и

375 китайских фразеологизмов (примерно 83 % всех выявленных единиц), которые в большинстве своём содержат указание на сферу материальной культуры нации.

Практически все из таких фразеологизмов содержат в своём составе номинацию, входящую в ТП «Пища», которая принадлежит к безэквивалентной лексике – её присутствие в значительной степени обуславливает безэквивалентность всей ФЕ. Для русской лингвокультуры это такие лексические единицы, как *хлеб-соль*, *калач*, *пирог*, *щи*, *уха* и многие другие; именно они, функционируя в составе ФЕ, придают последним явную безэквивалентность, как например: *Хлеб-соль и разбойника убивает (смиряет)*; *В Москве калачи, как огонь, горячи*; *Изба красна углами, обед – пирогами* и др.

В китайской лингвокультуре это такие безэквивалентные лексемы, как: 粳粳 [bābā] ('паровая пампушка из кукурузной муки'); 包子 [bāozi] ('паровой пирожок круглой формы'); 汤圆 [tāngyuán] (букв. клёчки; шарообразные изделия из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой); 馄饨 [húntun] ('вонтоны, хуньтунь'; букв. круглые ушки; мелкие пельмени в бульоне); 烧饼 [shāobing] (букв. кунжутное печенье; печёные лепёшки, посыпанные семенами кунжута); 狗肉 [gǒuròu] ('собачье мясо'); 豆腐 [dòufu] ('соевый творог'); 梅 [méi] ('абрикос муме'); 藕 [ǒu] ('корневище лотоса') и др. Большинство из этих номинаций демонстрирует весьма высокую степень фразеоактивности: 饭后的粳粳 – 可有可无 (букв. кушать паровые пампушки из кукурузной муки после обеда – что есть, что нет; о чём-либо маловажном, незначительном); 肉包子打狗 – 有去无回 (букв. бросать в собаку паровые пирожки с мясом – безвозвратная потеря); 空心汤圆 – 有名无实 (букв. танюань (полые клёчки из рисовой муки со сладкой или мясной начинкой) – номинальный, фиктивный; 'одна видимость', о пустых словах и делах); 狗肉上不得台盘 (букв. собачье мясо (пищу бедняков) не ставят на праздничный стол при приёме гостей); 豆腐炒豆豉 – 黑白分明 (букв. жарить соевый творог и соус из соевых бобов – чётко различать; 'разграничивать хорошее и плохое') и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Проведённое исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Номинации, входящие в ТП «Пища», морфологически выраженные именами существительными, в обоих языках образуют достаточно сложно организованную структуру, для которой характерно наличие центра и периферии, а также дифференциация на различные по объёму и характеру

объединяющего признака группы лексем: тематические микрополя, тематические группы и тематические подгруппы. В обоих языках рассматриваемое ТП членится на два основных ТМП («общие обозначения продуктов питания» и «еда, питье, кушанья и их компоненты»), которые, в свою очередь, делятся на ТГ, а некоторые из ТГ – на ТПГ. Наиболее объёмным и структурно разветвлённым в каждом из языков является тематическое поле «еда, питье, кушанья и их компоненты», среди компонентов которого зафиксирован широкий диапазон характерных для русской и китайской лингвокультуры наименований продуктов питания и изготавливаемых из них блюд. В данной группе также отражены особенности гастрономической сферы каждой из наций, в ряде случаев с опорой на историческую динамику последних [2; 7; 12; 19].

ФЕ, в которых номинации ТП «Пища» функционируют в качестве компонентов, составляют значительную часть фразеологического фонда как русского, так и китайского языков: в процессе проведённого исследования выявлено **978** единиц такого характера в русском языке и **452** единицы – в китайском, что свидетельствует о существенной значимости фразеологизмов подобного рода для обеих лингвокультур.

2. Среди наименований пищи, являющихся компонентами ФЕ, наибольшая фразеобразовательная активность свойственна лексемам, обозначающим национальные блюда: рус. *хлеб-соль, хлеб, каша, кисель, пирог, блины, калач, щи, уха, квас* и др.; кит. 米 (大米, 米) (*рис*); 豆腐 (*соевый творог*); 馒头 (*паровая пампушка*); 狗肉 (*собачье мясо*); 梅 (*абрикос муме*); 藕 (*корневище лотоса*) и др.

Сформированные ТП двух языков соотносятся по ряду признаков, однако в то же время демонстрируют очевидное своеобразие, обусловленное сложившимися национальными кулинарными традициями и формировавшимися в течение нескольких веков гастрономическими предпочтениями, которые обусловлены различными условиями жизни двух народов, а также своеобразием значимости разных пищевых продуктов и блюд из них в жизни человека [1; 6; 18; 20].

3. В китайской лингвокультуре много специфических наименований, которые вызваны иной гастрономической традицией, иным набором пищевых продуктов, а также спецификой способов приготовления пищи. Общим для обеих лингвокультур является то, что существенное место в них занимают номинации *изделий из зерна, круп и муки*, однако состав продуктов по способу приготовления и другим параметрам в китайской лингвокультуре свой: 包子 [*bāozi*] (паровой пирожок круглой формы); 馒头 [*mántou*] (хлеб из кислого теста, приготовленный на пару; пресная пампушка); 烧饼 [*shāobing*] (кунжутное

печенье, печёные лепёшки, посыпанные семенами кунжута); 月饼 [yóubǐng] (лунная лепёшка; лунный пряник) и др. В русской лингвокультуре наиболее обширной является тематическая группа «хлеб, хлебные изделия, мука, крупа; изделия из них», обусловленная важностью в питании русских таких продуктов и блюд, как *хлеб, пироги, блины*, а также изделий из круп – *каш, киселей*. Эти номинации зафиксированы нами в **297** устойчивых выражениях, что составляет почти **1/3** всех выявленных в процессе исследования ФЕ. Среди наименований пищи, являющихся компонентами выявленных ФЕ, наибольшая фразеобразовательная активность свойственна лексемам, обозначающим продукты и блюда явной национальной окрашенности, которые с древности составляли основу традиционной кухни каждого из народов: рус. *хлеб, каша, кисель, пирог, блины, калач, щи, уха, квас* и нек. др.; кит. 米 (大米, 米) (*рис*); 豆腐 (*соевый творог*); 馒头 (*паровая пампушка*); 狗肉 (*собачье мясо*); 藕 (*корневище лотоса*) и нек. др. [1; 2; 8; 17].

4. Фразеологизмы с компонентами – наименованиями *хлебных изделий*, в которой отмечено наибольшее количество лакун; в китайском языке, по сравнению с русским, более обширна группа ФЕ с наименованиями *зерновых продуктов* и *блюд* из них [1; 2; 3; 13].

Их можно считать безэквивалентными или имеющими неполную межъязыковую эквивалентность по отношению к устойчивым оборотам другого языка [6; 7; 8; 18].

Национально-культурное своеобразие при обращении к наименованиям пищи и ФЕ с этими наименованиями находит выражение в предпочтении определённых номинаций для обозначения явлений и процессов отдельных сфер человеческой жизни [2; 9; 12; 19; 20].

ФЕ русского и китайского языков с компонентом ТП «Пища» в основной своей массе являются *безэквивалентными* по отношению к фразеологизмам сопоставляемого языка: это **885** фразеологизмов русского языка (примерно 91 % всех выявленных единиц) и **375** китайских фразеологизмов (примерно 83 %).

Безэквивалентные ФЕ наиболее ярко отражают и передают особенности образа жизни, истории, религии, способов мышления и т. п., характерных для носителей рассматриваемых языков; данные ФЕ представлены ФЕ-реалиями и ФЕ-лакунами. Национальная специфика безэквивалентных ФЕ формируется преимущественно на основе культурно-исторической фоновой семантики; во ФЕ-реалиях она лексически маркирована наличием в их составе компонентов, отражающих особенности этнического быта, прежде всего – названий предпочитаемых продуктов и блюд из них.

В отношениях полной эквивалентности находится лишь **1** пара

фразеологизмов из выявленных в процессе исследования, что составляет примерно 0,1 % всего проанализированного материала.

Различия в интерпретации ФЕ с пищевым компонентом в сопоставляемых лингвокультурах связаны со сложившимися традициями отношения к выбору пищи, а также её приготовлению и потреблению. Так, для носителей русской культуры особую значимость имеет атмосфера общения, сопровождающая процесс еды, в особенности – в торжественной обстановке (в частности, сложившиеся в течение веков пиршеские традиции); в китайской же культуре акцент делается на искусстве приготовления пищи, соблюдении правил этикета, а также на здоровье как результате правильного питания [3; 5; 14; 17; 20].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для более глубокого осмысления с лингвокультурологических позиций как фактов конкретного языка (русского или китайского), так и сопоставляемых в различных аспектах ФЕ двух языков, генетически и структурно неродственных. Такое осмысление может быть реализовано при выполнении дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций лингвокультурологической и сопоставительной тематики, а также при чтении дисциплин, спецкурсов и спецсеминаров собственно лингвистического, лингвокультурологического и межкультурно-коммуникативного циклов. Результаты работы могут найти успешное применение в переводческой деятельности, а также будут полезны составителям двуязычных (русско-китайских и китайско-русских) фразеологических и толковых словарей.

ФЕ с компонентом ТП «Пища», функционирующие в русской и китайской лингвокультурах, в большинстве своём отличаются выраженным национально-культурным своеобразием. Они образно конкретизируют особенности культурного существования нации, вследствие чего представляют собой значительный пласт языкового материала, знакомство и последующее осмысление которого необходимо для успешного диалога культур.

Систематизация и анализ выявленных в процессе исследования фразеологизмов с компонентом тематического поля «Пища» позволяют соотнести особенности языковых систем с нормами поведения, выработанными в рамках социокультурного существования представителей двух лингвокультур. Это, как представляется, будет способствовать успешному развитию разного рода межкультурных связей между Республикой Беларусь и КНР.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в рецензируемых научных изданиях

1. Ма, Лун. Концепт «хлеб» русской наивной картины мира в зеркале китайской / Лун Ма // Вестник Минского государственного лингвистического университета. – Сер. 1, Филология. – 2010. – № 2. – С. 57–64.

2. Ма, Лун. Универсальное и национальное в наивной картине мира (на примере семантического поля «пища» в русской и китайской фразеологии) / Лун Ма // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. – 2010. – № 1 (55). – С. 72–78.

3. Ма, Лун. Сопоставительный анализ ассоциативных полей «пища» и «食物» в русском и китайском языках / Лун Ма // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2011. – № 1. – С. 33–38.

4. Ма, Лун. Типы фразеологических единиц в русском и китайском языках / Лун Ма // Учёные записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – Витебск, 2011. – Т. 12. – С. 198–204.

5. Ма, Лун. Процессуальные фразеологические единицы с «пищевым» компонентом в русском и китайском языках / Лун Ма // Учёные записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – Т. 29. – С. 195–199.

6. Ма, Лун. Безэквивалентные фразеологические единицы с «пищевым» компонентом в русском и китайском языках как отражение национального менталитета / Лун Ма // Мова и культура. (Науковий журнал). – Київ: Видавничий Дім Дмитра Бурага. – 2020. – Вып. 22, Т. V (200). – С. 320–326.

7. Ма, Лун. Фразеологизмы семантического микрополя «праздничная пища» в русском и китайских языках / Лун Ма // Учёные записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2020. – Т. 31. – С. 162–167.

Статьи в сборниках научных статей

8. Ма, Лун. Сопоставительный анализ микрополей «праздничная и обрядовая пища» в русском и китайском языках / Лун Ма // Иностранные языки в вузе и школе: сб. ст. по материалам докл. междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 21–22 апр. 2017 г.). – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 171–172.

9. Ма, Лун. Качественные фразеологизмы с «пищевыми» компонентами в русском и китайском языках / Лун Ма // Феномен родного языка : коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : сб. науч. Статей по материалам II Международ. науч.-практ. конф., посвящ. Международному дню родного языка, 20–22 февраля 2019 г.; под общ. ред. И. П. Зайцевой. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – С. 313–319.

10. Ма, Лун. Специфика изучения китайских фразеологизмов чэньюй русскоязычными студентами / Лун Ма, И. В. Ма // Беларусь и Китай : многовекторность сотрудничества : сб. ст. по результатам IV науч.-практ. круглого стола, Барановичи, 30 марта 2021 г. – Барановичи : БарГУ, 2021. – С. 80–89.

11. Ма, Лун. Развитие навыков невербальной коммуникации на уроках китайского языка как иностранного / Лун Ма, И. В. Ма // «Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов» : сборник научных статей. Вып. 3. – Гомель : ГомельБелГУТ, 2021. – С. 124–129.

Публикации в сборниках материалов конференций, семинаров, круглых столов; тезисы докладов

12. Ма, Лун. Концепт «пища» в русской и китайской наивной картине мира / Лун Ма // Национально-культурный компонент в тексте и языке : материалы докл. IV Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г. : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т; редкол. : Н. П. Баранова, А. М. Горлатов, С. М. Прохорова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Ч. 2. – С. 12–14.

13. Ма, Лун. Фразеология в лингвокультурологическом аспекте / Лун Ма // Acta Albarruthenica, Rossica, Polonica : VIII Міжнар. навук. канф. «Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства», Віцебск, 22–24 кастр. 2009 г. : у 2 ч. / Віцеб. дзярж. ун-т; рэдкал. : Г. М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2009. – Ч. 1. – С. 174–178.

14. Ма, Лун. Ассоциативное поле «пища» в русском языке на фоне китайского / Лун Ма // Русский язык как иностранный: функционально-коммуникативный подход к описанию языковых явлений : материалы науч.-метод. семинара, Минск, 26 нояб. 2010 г. – Минск, 2010. – С. 37–43.

15. Ма, Лун. Отличие русской фразеологии от китайской / Лун Ма // Теория и практика преподавания лингвистических дисциплин в вузах негуманитарного профиля : материалы III Междунар. науч.-практ. конф.,

Горки, 3–4 июня 2010 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. с.-х. акад.; редкол.: А. П. Курдеко (отв. ред.) [и др.]. – Горки, 2010. – Ч. 2. – С. 156–158.

16. Ма, Лун. Сравнительный анализ грамматических особенностей фразеологизмов в русском и китайском языках / Лун Ма // Теория и практика преподавания русского языка как иностранного: достижения, проблемы и перспективы развития: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20–21 мая 2010 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С. И. Лебединский (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 188–190.

17. Ма, Лун. Сравнительный анализ семантических полей «употребление и приготовление пищи» в русском и китайском языках / Лун Ма // XI Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Витебск, 18 октября 2017 г. / Витебский гос. ун-т; И. М. Прищепа (гл. ред.) и др. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – С. 234–236.

18. Ма, Лун. Безэквивалентные фразеологические единицы как отражение национально-культурной специфики русского и китайского языков / Лун Ма // XII Машеровские чтения: материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Витебск, 19 октября 2018 г. / Витебский гос. ун-т; И. М. Прищепа (гл. ред.) и др. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 174–176.

19. Ма, Лун. Китайские фразеологические единицы с «пищевым» компонентом в зеркале русской лингвокультуры / И. В. Ма, Лун Ма // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 73-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов; Витебск, 11–12 марта 2021 г. – Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, 2021. – С. 233–236.

20. Ма, Лун. Национально-культурное своеобразие китайских фразеологизмов с компонентом «специи, пряности и приправы» / Ма Лун, И. В. Ма // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 74-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2022. – С. 191–193.

РЕЗЮМЕ

Ма Лун

Национально-культурное своеобразие русских и китайских фразеологизмов с компонентом «пища»

Ключевые слова: фразеология, лингвокультура, тематическое поле, номинация, фразеологизм, безэквивалентность, антропоцентричность.

В работе, выполненной в русле антропоцентрической парадигмы, систематизируются и анализируются, в том числе в сопоставительном аспекте, фразеологизмы с компонентом тематического поля «Пища» в русском и китайском языках, типологически и генетически неродственных.

Цель диссертационного исследования – путём сопоставительного анализа выявить общее и национально-специфическое в содержании фразеологических единиц, принадлежащих к одному из фрагментов картины мира – ПИЩА – в русской и китайской лингвокультурах.

Основные методы исследования: сравнительного анализа и синтеза, описательный метод, классификации и систематизации материала; сопоставительный метод и приём культурно-исторической интерпретации; методика семантической интерпретации, элементы количественного метода.

Полученные результаты и их новизна. Впервые выявлены, систематизированы и проанализированы фразеологизмы с компонентами – номинациями, принадлежащими к тематическому полю «Пища», в русском и китайском языках.

В результате проведённого исследования установлены содержательная и национально-культурная специфика фразеологизмов, а также сходные и отличные характеристики в отражении выявленными фразеологизмами особенностей картин мира разнотруктурных языков.

Рекомендации по использованию. Полученные результаты могут быть использованы при дальнейшем контрастивном изучении русского и китайского языков в аспекте выявления в них национально-культурных особенностей, что будет способствовать развитию теории и практики сопоставительной фразеологии и лексикографии; при разработке дисциплин лингвокультурологической и лингвострановедческой проблематики; при составлении учебных пособий по лингвокультурологии, сопоставительному и общему языкознанию.

Область применения. Материал и результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике при создании двуязычных и иного типа словарей, а также в практике вузовского преподавания филологических дисциплин в Беларуси, Китае и России.

РЭЗІЮМЭ

Ма Лун

Нацыянальна-культурная своеасаблівасць рускіх і кітайскіх фразеалагізмаў з кампанентам «ежа»

Ключавыя словы: фразеалогія, лінгвакультура, тэматычнае поле, намінацыя, фразеалагізм, безэквівалентнасць, антрапацэнтрычнасць.

У рабоце, выкананай у рэчышчы антрапацэнтрычнай парадыгмы, сістэматызуюцца і аналізуюцца, у тым ліку ў супастаўляльным аспекце, фразеалагізмы з кампанентам тэматычнага поля «Ежа» у рускай і кітайскай мовах, тыпалагічна і генетычна няроднасных.

Мэта дысертацыйнага даследавання – шляхам супастаўляльнага аналізу выявіць агульнае і нацыянальна-спецыфічнае ў змесце фразеалагічных адзінак, якія належаць да аднаго з фрагментаў карціны свету – ЕЖА – у рускай і кітайскай лінгвакультурах.

Асноўныя метады даследавання: параўнальнага аналізу і сінтэзу, апісальны метады, класіфікацыі і сістэматызацыі матэрыялу; супастаўляльны метады і прыём культурна-гістарычнай інтэрпрэтацыі; метады семантычнай інтэрпрэтацыі, элементы колькаснага метаду.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню выяўлены, сістэматызаваны і прааналізаваны фразеалагізмы з кампанентамі – намінацыямі, якія належаць да тэматычнага поля «Ежа», у рускай і кітайскай мовах.

У выніку праведзенага даследавання ўстаноўлены зместавая і нацыянальна-культурная спецыфіка даследаваных фразеалагізмаў, а таксама падобныя і адрозныя характарыстыкі ў адлюстраванні выяўленымі фразеалагізмамі асаблівасцей карцін свету рознаструктурных моў.

Рэкамендацыі па выкарыстанні. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаны пры далейшым кантрастыўным вывучэнні рускай і кітайскай моў у аспекце выяўлення ў іх нацыянальна-культурных семантычных асаблівасцей, што будзе садзейнічаць развіццю тэорыі і практыкі супастаўляльнай фразеалогіі і лексікаграфіі; пры распрацоўцы дысцыплін лінгвакультуралагічнай і лінгвакраіназнаўчай праблематыкі; складанні вучэбных дапаможнікаў па лінгвакультуралогіі, супастаўляльным і агульным мовазнаўстве.

Вобласць ужывання. Матэрыял і вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны ў лексікаграфічнай практыцы пры стварэнні двухмоўных і іншага тыпу слоўнікаў, а таксама ў практыцы выкладання ў ВНУ філалагічных дысцыплін у Беларусі, Кітаі і Расіі.

SUMMARY

Ma Long

National-cultural originality of Russian and Chinese phraseological units with the “food” component

Key words: phraseology, linguoculture, thematic field, nomination, phraseological unit, lack of equivalence, anthropocentricity.

In the work carried out in line with the anthropocentric paradigm, the phraseological units with the component of the thematic field “food” in the Russian and Chinese languages, typologically and genetically unrelated, are identified, systematized and analyzed, including in a comparative aspect. Phraseological units of the semantic field “food” in the Russian and the Chinese languages.

The purpose of the dissertation research is, through comparative analysis, to reveal the general and nationally specific in the content of phraseological units of two genetically and structurally distant languages – Russian and Chinese.

The main research methods are: comparative analysis and synthesis, descriptive method, classification and systematization of material; comparative method and method of cultural and historical interpretation; method of semantic interpretation, elements of the quantitative method.

The results obtained and their novelty. For the first time, units related to the semantic field “food” in the Russian and Chinese languages have been collected, systematized and analyzed.

The work, fitted in the anthropocentric paradigm, considers the questions of the universal and the specific basing on the phraseological units referring to the semantic field “food” in two typologically and genetically unrelated languages belonging to different systems.

Recommendations for use. The results obtained can be used in the further contrastive study of the Russian and Chinese languages in the aspect of identifying national and cultural semantic features in them, which will contribute to the development of the theory and practice of comparative phraseology and lexicography; in the development of disciplines of linguocultural and linguistic-regional studies; compilation of textbooks on cultural linguistics, comparative and general linguistics.

Application area. The material and results of the research can be used in lexicographic practice when creating bilingual and other types of dictionaries, as well as in the practice of university teaching of philological disciplines in Belarus, China and Russia.